

Славяноведение, 2024, № 3, с. 74–91

Slavic Studies. Journal of Russian Academy of Sciences, 2024, No. 3, pp. 74–91

DOI: 10.31857/S0869544X24030061, EDN: WZBOID

Оригинальная статья / Original Article

К вопросу о переключении кодов в речи полилингвов
на литовско-белорусском пограничье
(по материалам этнографических экспедиций)

© 2024 г. М.В. Завьялова, Р. Балкуте

Институт славяноведения Российской академии наук
(Москва, Российская Федерация)

mariazavyalova@gmail.com

Центр народных традиций «В круге бытия»
(Вильнюс, Литовская Республика)

r.balkute@gmail.com

Аннотация. В статье рассматриваются случаи переключения кодов в речи жителей Литвы, а также пограничных литовско-белорусских территорий, владеющих польским, литовским и белорусским (русским) языками. Анализируемые тексты были записаны Ритой Балкуте в ходе этнографических экспедиций, которые не были нацелены на выявление собственно лингвистических особенностей речи информантов. Анализ материала показывает, что в переключении кодов не последнюю роль играют этнолингвистические факторы, например, информанты часто переходят на польский язык при описании магических практик или при цитировании заговоров. В статье обсуждаются причины таких переходов, а также случаи смешения кодов, когда формируются гибридные тексты на польском и белорусском языках.

Ключевые слова: белорусско-литовское пограничье, заговор, литовский язык, польский язык, белорусский язык, полилингвизм.

Ссылка для цитирования: Завьялова М.В., Балкуте Р. К вопросу о переключении кодов в речи полилингвов на литовско-белорусском пограничье (по материалам этнографических экспедиций) // *Славяноведение*. 2024. № 3. С. 74–91. DOI: 10.31857/S0869544X24030061, EDN: WZBOID

On the Issue of Code Switching in the Speech of Multilinguals
on the Lithuanian-Belarusian Borderland (Based on Field Materials)

© 2024. Maria V. Zavyalova, Rita Balkute

Institute of Slavic Studies of Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russian Federation)

mariazavyalova@gmail.com

Center for Folk Traditions «In the Circle of Being»
(Vilnius, Republic of Lithuania)

r.balkute@gmail.com

Abstract. The article deals with cases of switching codes in the speech of the inhabitants of Lithuania, as well as the border Lithuanian-Belarusian territories, who speak Polish, Lithuanian and Belarusian (Russian) languages. The analyzed texts were written down by Rita Balkute during ethnographic expeditions, which were not aimed at revealing the actual linguistic features of the speech of the informants. Analysis of the material shows that ethnolinguistic factors play an important role in code switching; for example, informants often switch to Polish when describing magical practices or when quoting spells. The article discusses the reasons for such transitions, as well as cases of mixing codes when hybrid texts are formed in Polish and Belarusian.

Keywords: Belarusian-Lithuanian borderland, spells, Lithuanian language, Polish language, Belarusian language, multilingualism.

For citation: *Maria V. Zavyalova, Rita Balkute. On the Issue of Code Switching in the Speech of Multilinguals on the Lithuanian-Belarusian Borderland (Based on Field Materials) // Slavic Studies. Journal of Russian Academy of Sciences. = Slavyanovedenie. 2024. No. 3. Pp. 74–91. DOI: 10.31857/S0869544X24030061, EDN: WZBOID*

Говоры литовско-белорусского пограничья, а также островные литовские говоры на территории Беларуси давно и активно изучались с самых разных точек зрения: диалектной, историко-лингвистической, социолингвистической как литовскими, так и белорусскими, польскими и российскими учеными¹. Намного меньше внимания исследователями уделялось этнографии и фольклору смешанного населения этих мест. Восполнить эти пробелы отчасти удалось Рите Балкуте, которая на протяжении более 30 лет собирала материалы по народной медицине в Литве, а также в литовских островках Беларуси и Польши. Архив Риты Балкуте насчитывает примерно 15 тысяч единиц полевых записей. Многие из этих текстов многоязычны, т.е. включают в себя высказывания на литовском, польском, белорусском и русском языках. Ниже на карте представлены районы, в которых были записаны анализируемые в данной статье тексты (отмечены штриховкой).

Как видно, материал собирался в юго-восточной и восточной частях Литвы, граничащих с Беларусью. Население в этих краях в основном дву- и трехязычное. Родным языком жителей этого края может быть литовский, белорусский или польский (точнее, литовский диалект польского — «проста мова»). Причем в очень многих случаях, как отмечали Т.М. Судник и Л.Г. Невская, изучавшие этот край, «естественность переключения с одного языка на другой и компетентность говорящих в обоих случаях таковы, что сплошь и рядом [...] оказывается едва ли возможным разделить двуязычного по признаку родной/второй язык, так как скорее всего оба языка усваивались одновременно» [Невская, Судник 1978, 287].

Такая ситуация обусловлена историей описываемых областей. Поликультурность и многоязычие в этих краях сформировались еще в эпоху Великого княжества Литовского. По данным Л. Беднарчука, в XVI–XVII вв. на этой территории

¹ Вот некоторые из значимых работ: Bednarczuk 1994; Čekmonas 1999; Grinaveckienė 1983; Grinaveckienė 1991; Karaliūnas 1988; Kardelis 2009; Kardelis et al., 2003; Lipskienė, Vidugiris 1967; Rutkowska 2006; Rutkowska 2008; Turska 1995; Vidugiris 1983; Zinkevičius 1993; Видугирис, Каралюнас 1972; Видугирис, Климчук 1978; Невская 1972; Судник 1964; Судник 1975; Чекман 1972; Чекман 1982; Чекмонас 1988.

Карта составлена авторами.

бытовало до семи этнолектов: литовский язык, белорусский язык, северо-восточный диалект польского языка, язык литовских татар, язык тракайских караимов, диалект литовских евреев, «говор язычников Нарева» [Bednarczuk 1994]. С течением времени на территории Великого княжества Литовского количество диалектов только увеличивалось. После раздела Речи Посполитой в этих областях стало усиливаться влияние русского языка, а также изменился статус и характер употребления других языков [Grek-Pabisowa 1997]. Польский язык активно использовался в этой зоне и в недавнем прошлом. После 1920 г., когда поляки заняли Вильнюсский край, практически все описываемые местности находились за демаркационной зоной, отделявшей тогдашнюю Литву от Польши.

Восточная и юго-восточная части Литвы вместе с Вильнюсом принадлежали Польше с апреля 1919 по сентябрь 1939 г., когда этот край заняли советские войска. В период польской оккупации проводилась насильственная полонизация населения, изменялись фамилии, многие литовцы в документах значились как поляки, литовский язык был под запретом. В представленных ниже материалах отразились как раз последствия тех времен, поскольку большинство информантов родились в 20–30-х годах XX в.

Конечно, в настоящее время отношение к литовскому языку изменилось, однако одновременное бытование нескольких языков приводит к трудностям самоидентификации живущих в этом регионе людей. Й. Урбанавичене так описывает социолингвистическую ситуацию на литовско-белорусском пограничье: «К двуязычию в этом регионе относятся благосклонно, переход от одной языковой системы к другой не осуждается — это естественная потребность многоязычной территории, а смена языка не болезненна для местного населения» [Urbanavičienė 2011, 103]. Далее она подчеркивает: «В многонациональной среде не формируется четкая этническая идентичность. Язык в таких сообществах не считается показателем идентичности, это просто средство общения» [Там же, 108].

Учитывая это обстоятельство, Рита Балкуте в общении с информантами избегала вопросов о национальности и просила их говорить на том языке, на котором им проще, информанты часто переходили с одного языка на другой, поскольку так же делают и в повседневной жизни. Вопросы задавались по-литовски или по-русски, но в опросах участвовала также местная жительница, которая говорила с информантами на «простой мове». Языковая компетенция собирателя обусловила выбор информантов: как правило, опрашивались те, кто мог свободно говорить по-литовски, хотя их родной язык или язык, который они чаще использовали, мог быть и другим. Большинство информантов имели литовские корни, но в результате ассимиляции в той или иной мере утратили литовскую идентичность (некоторые называли себя поляками, хотя имели родителей-литовцев).

Поскольку целью Риты Балкуте был сбор материала по народной магии и медицине, тематика рассказов информантов соответствующая. Несомненно, тексты представляют интерес не только с точки зрения языка, но и фольклора. Но в данном случае мы остановимся на лингвистическом аспекте, а именно на переключении кодов. Под переключением кодов понимается «смешение двух или более языков в речи билингвов (или мультилингвов), при котором не обязательно происходит смена собеседника или темы разговора» [Poplack 2001, 2062]. По классификации Мэйскена переключением кодов считается: включение элемента из языка 1 в предложение на языке 2 (*insertion*) и чередование независимых составляющих языков 1 и 2 внутри предложения (*alternation*) [Muysken 2000, 3]. Конгруэнтная лексикализация (*congruent lexicalization* по Мэйскену), т.е. заполнение совпадающей в языках 1 и 2 синтаксической структуры лексическими элементами из обоих языков понимается как смешение кодов (см. [Gluszkowski 2023, 164–165]).

Речь многих информантов ожидаемо изобилует заимствованиями как из литовского языка в польский и белорусский, так и из славянских языков в литовский. Такие случаи в статье не рассматриваются, поскольку это естественно в таком многоязычном крае. В фокус нашего внимания попали те случаи, когда информант сознательно или неосознанно переходил с одного языка на другой (т.е. скорее случаи чередования языковых единиц на разных языках, а не включения). Конечно, нередко это происходило в ответ на заданный на другом языке вопрос или при цитировании (прямой речи на другом языке). Например:

1.

*R.B. Sako, burtininkai sunkiai miršta?*²

Е.И. I drzwi rozmykają, i okny rozmykają, i lubo wybierają deski. Jego dusza nie może wyjść: pan Bóg nigdzie nie przyjmuje, on nie ma miejsce wyjścia duszy. Ну, кто так заклиная, не может он умереть. О ту в Janiszek, wiem, taka stara baba była, ale ona żydówka, była wyszedsza za katolika za mąż, to ona umierała tydzień czasu musi. To i okna do końca, i drzwi do końca [odkryli], i potem nad jego łóżko stalowanie wybrali, to wtenczas umarła³.

R.B. Dėl ko atidaryti reikia?

E.I. Kad dušia išeitų.

Р.Б. Говорят, колдуны тяжело умирают?

Е.И. И двери открывают, и окна открывают или разбирают доски. Его душа не может выйти: господь Бог не принимает, у него нет места выхода души. Ну, кто так заклиная, не может он умереть. А тут в Йонишкес, я знаю, такая старая баба была, но она еврейка, была замужем за католиком, так она умирала, может, целую неделю. Так и окна до конца [открыли], и потом над ее кроватью крышу разобрали, то тогда она умерла.

Р.Б. Для чего открывать нужно?

*Е.И. Чтобы душа ушла.*⁴

² Здесь и далее фразы и лексемы на литовском и их перевод отмечены курсивом, фразы и лексемы на польском — прямым шрифтом, фразы и лексемы на русском и белорусском — жирным. Инициалы обозначают собирателя и респондентов (Р.Б. — Рита Балкуте). Белорусские тексты приводятся без перевода.

³ Здесь и далее записи на польском языке представлены не в фонетической транскрипции, а в орфографической версии собирателей, поскольку не все записи были доступны в аудиоверсии.

⁴ Е. И.-Д. 1994 (LKAR 19(43), LKAG 65(11)).

В этом случае интересно, что информантка только после второго вопроса по-литовски переключается на литовский язык, вначале она отвечает на литовский вопрос по-польски (несмотря на очень хорошее владение литовским языком).

Та же информантка в другом случае переключается на русский язык, когда цитирует староверку:

2.

O! Aš ten pas vyrą kur ištėkėjau Sužonių parapijos, tai pas tokią Nascią eidavo. A tenai staravierai buvo.

О! Я там у мужа, где замуж вышла в приходе Су-жоняй, так к такой Насе ходили. А там ста-роверы были.

«Надо сходить к Насе на книжку, корова молока не дает».

Nu to nuais unt knižku, to velnias žino, kiek tenai pieno duos: keturis kartus melžia ir piena neturi kur dėt.

Ну так пойдет на книжку, так черт знает, сколько там молока даст: четыре раза доят и молоко некуда деть.

«Надо к Насе сходить».

Nu ji burtininkų knygą turėjo.

Ну у нее колдовская книга была.⁵

Примечательно, что здесь она два раза упоминает «книжку», называя ее один раз по-русски, второй раз по-литовски. На таких вкраплениях иноязычных лексем, связанных с ритуалом, мы остановимся позднее.

Та же информантка иногда переходила с одного языка на другой, обращаясь к разным собирателям, повторяя одинаковые фразы на разных языках или просто неожиданно переходила с литовского на польский. Ср. ее рассказ о том, как ксендз проклял хулиганов:

3.

E.I. Žinote, aš pasakysiu, mūsų kaimi apvogė bažnyčią. Iš mūsų kaimo tie žmonės buvo. Jau senai, senai apvogė bažnyčią. To, žinai, kunigas mišias kaip išlaikė, tai trečia pakolenija...

Trzecie pokolenie... Trzecie pokolenie pridików...

R.B. Dėl ko?

E.I. Užkeikė, nu, mišias atlaikė ant tų chuliganų.

Msza otrzymał ksiądz na tych chuliganów, które kościół okradli.

Blogai blogai, palinkėjo blogai, kaip tik užkeikė kunigas.

To ot przez potomstwi pridikurki takie rodili się.

Sužinoja, kad jie apvogė, — kai nori, viską sužinos. Negalima tokių dalykų daryti:

będziesz kiepsko robić komu, wszystko jedno będzie kiepsko tobie. Nie w rodzinie, to w żywioły, w gospodarstwie wszystko jedno będzie upadek jaki czy co, nie można. Nie można: jeżeli nie robisz, nie trzeba i myśleć.

Е.И. Знаете, я скажу, в нашей деревне обокрали костел. Из нашей деревни эти люди были. Уже давно, давно обокрали костел. Так, знаешь, ксендз мессу служил, так до третьего поколения...

Третье поколение... Третье поколение прidików...

Р.Б. Из-за чего?

Е.И. Проклял, ну, мессу отслужил на тех хулиганов.

Мессу отслужил ксендз за тех хулиганов, которые костел обокрали.

Плохо, плохо, пожелал плохого, как раз проклял ксендз.

Так вот через потомства прidikurki такие рождались

Узнал, что они обокрали, — когда хочешь, все узнаешь. Нельзя таких вещей делать:

budziesz плохо кому делать, все равно будет плохо тебе. Не в родне, так скотине, в хозяйстве все равно будет упадок такой, что невозможно. Нельзя: если не делаешь, не надо и думать⁶.

⁵ Е. И.-Д. 1994 (LKAР 19(67), LKAГ 65(35)).

⁶ Е. И.-Д. 1994 (LKAР 19 (10), LKAГ 64 (10)).

Сравнивая три приведенных выше примера (1., 2. и 3.), можно сказать, что в первых двух мы наблюдаем мотивированное переключение кодов, а в последнем — немотивированное.

Иногда переключение происходит в самом предложении:

4.

Е.И. Wo, Stasiuka znasz? To on jak pracował na maszynie, na samoswale, to oni żesz tam грузы rozważali. Gdzie domy tie. Znalazł książkę. Po słowiańsku napisana. *Ne lietuviškai, ne rusiškai, ne vokiškai* — po słowiańsku. *Taip kaip pas mus* po łacinie, *te tenai* po słowiańsku u ruskich. To on popatrzył na tę książkę, czytać nie może i lęka się czytać, wydze, że nie nasza książka, żeby co nie narobić. Bo nacziesz czytać nie wiadomo [co może być]: może *įdomu* porozwratać, i ludzi pokoliechić — nie wiadomo co. Ale on zaniósł do dawatki. To ta chwiciła, jego pocałowała: «**А, сынутка ты дорогой! Ты не держи та книжка!**» To on tam u jej zostawił, to ona czy spaliła, czy co jej. «**А, сынутка ты дорогой! Не держи ты этой книжки.**»

Р.В. Kodėl jis pamanė, kad ta knyga negera?

Е.И. Nu negera užtat, kad perskaityt nemokėjo, negalėjo. *Lietuviškai moka, lenkiškai moka...*

Р.В. Sako, juodos knygos būdavo?

Е.И. I czarne **книжки** jest. Ja nie widziałam.

Е.И. Во, Стасюка знаешь? Так он так работал на машине, на самосвале, так они там грузы развозили. Где дома те. Нашел книжку. По-славянски написана. *Не по-литовски, не по-русски, не по-немецки* — по-славянски. *Так, как у нас* на латыни, *так там* по-славянски у русских. Так он посмотрел на эту книжку, читать не умеет и боится читать, видит, что не наша книжка, как бы чего не натворить. А то начнешь читать, неизвестно, [что может быть]: может *интересно* полистать, а людей покалечить — неизвестно что. Но он принес к монашке. Так она схватила, его поцеловала: «**А, сынутка, ты дорогой! Ты не держи ту книжку!**» Так он там у нее оставил, так она или сожгла, или что. «**А, сынутка ты дорогой! Не держи ты этой книжки.**»

Р.В. Почему он подумал, что эта книга нехорошая?

Е.И. Ну нехорошая потому, что прочитать не мог, не умел. По-литовски умеет, по-польски умеет...

Р.В. Говорят, черные книги бывают?

Е.И. И черные **книжки** есть. Я не видела⁷.

Здесь в одном диалоге присутствует и мотивированное, и немотивированное переключение: в начале информантка прибегает к вкраплению литовских лексем и словосочетаний в польский текст, по-видимому, даже не замечая этого. В дальнейшем очевидно, что она переходит на русский язык в случае цитаты, а на литовский — после вопроса собирателя по-литовски. Однако, когда слышит вопрос по-литовски о «черных книгах», отвечает снова по-польски, но употребляет при этом русское «книжки». Получается, что «книжка» служит своеобразным триггером переключения на польский (в данном случае) язык.

У той же информантки случаются и вкрапления польских фраз, когда она говорит по-литовски:

5.

Р.В. Ką darydavo, kai įkąsdavo gyvatė?

Е.И. Nu gyvatės to jak kto, to na wiatro wyjdzie i zamówią.

To aš nežinau, kaip tenai. Kaip mano mama užkalbėdavo, tai tik žinau, kad reikia [sakyti] triskart «Sveika, Marija», a daugiau nežinau. Un duonos, un sviesta.

Р.В. O jeigu gyvatė vaikinga?

Р.В. Что делали, когда кусала змея?

Е.И. От змеи так кто как, так на улицу выходят и заговаривают.

Так я не знаю, как там. Как моя мама заговаривала, так только знаю, что нужно [говорить] три раза «Радуйся, Мария», а больше не знаю. На хлеб, на масло.

Р.В. А если змея с детьми?

⁷ Е. И.-Д. 1994 (LKAR 19(68), LKAG 65(36)).

E.I. Kiek vaikų, tiek kartų reikia užkalbinti'.
R.B. O kaip žinoti, ar ji vaikinga, ar ne?
E.I. Nu tai atspėsi: jeigu nepadės vieną kartą, tai kita kartą užkalbinsi.
R.B. Ar tas pats žmogus turi užkalbėti?
E.I. Reikia šviežio.

Е.И. Сколько детей, столько раз надо заговорить.
Р.Б. А как узнать, с детьми она или нет?
Е.И. Ну так угадаешь: если не поможет один раз, то в другой раз заговоришь.
Р.Б. А тот же человек должен заговорить?
Е.И. Нужен свежий⁸.

Интересно, что при этом в литовском тексте практически нет славянских заимствований. На польский язык информантка переходит только при описании ритуала заговора от змеи. Вот еще один пример подобного перехода на польский язык уже у другой информантки из другой деревни той же области:

6.

R.B. Sako, akys kartais pakenkia?
M.Ž. Kai kitas pažiūri, tai sako:
«A, oczy przeszlį».
Nu tai būdavo ir stalo kampelius plauni vandeniu, paskui tas gi klemkas plauni ir duodi tam gyvuliui ar tam žmogui. [...]
Do vaikas kai mažas [verkia, rėkia]: «A, — sako, — akys praėjo». Kai vaiką nužiūri, tai paplauti reikia akis tris kartus, a gyvuliui irgi paplauti akis nuo savęs, nuo galvos į užpakalį. [...]
R.B. O kas tam vaikui būna, kai tos akys pakenkia?
M.Ž. Tai vaikas verkia ir būna piktas, nemiega. Žmogui dideliam tai gal nieko. Gyvuliam jauniem labai [pakenkia]. Jeigu paršuką kokį ten ar veršuką kas [pagiria]: «A, koks gražus, — ar tenai: — Aje, koks gražus!» — padyvins, nu ir būna, kad rėkia. [...]
R.B. O ką dar darydavo?
M.Ž. Czerez rasporok spodnice koszulę wziąć, wyciągać i podołkami choć trochę przeprowadzić ir tada apšluostyt. (...)

Р.Б. Говорят, глаза иногда вредят?
М.Ж. Когда иной посмотрит, то говорят:
«А, глаза прошли».
Ну так, бывало, и уголки стола моешь водой, потом тоже дверные ручки моешь и даешь тому животному или тому человеку.
Ребенок когда маленький [плачет, кричит]: «А, — говорят, — глаза прошли». Когда ребенка сглазят, то помыть надо глаза три раза, а животному тоже помыть глаза от себя, от головы к задку.
Р.Б. А что с тем ребенком бывает, когда эти глаза вредят?
М.Ж. Так ребенок плачет и бывает злой, не спит. Человеку большому это может ничего. Молодому животному очень [вредит]. Если поросенка там или теленка [похвалят]: «А, какой красивый, — или там: — Ай, какой красивый!» — завидуют, ну и бывает, что кричит.
Р.Б. А что еще делали?
М.Ж. Через распорок юбки рубашку взять, протянуть и подолом хоть немного поводить и тогда вытереть. (...)⁹

Еще ярче эта тенденция проявляется в случае с заговорами: записано множество случаев, когда информант, отвечающий на вопросы только по-литовски, произносит заговор по-польски. Вот несколько примеров:

7.

R.B. Ar ką nors sakydavo, pamatę jauną mėnulį?
J.Ž. Kai pamatai pirmą kartą fazę jauną mėnulio, [reikia sakyti]:

Р.Б. Что-нибудь говорили, когда видели молодой месяц?
Я.Ж. Как первый раз видишь фазу молодого месяца, [надо говорить]:

⁸ Е. И.-Д. 1994 (LKAР 19 (75), LKAГ 65 (43)).

⁹ М. Ж.-К. 1994 (LKAР 18(189), LKAГ 60(32)).

Młody młodziak,
 Młoda ja,
 Daj mnie śnić,
 Z kim ja skonczę
 Wiek żyć.

R.B. Dar kartą pasakykite.

Młody młodziak,
 Młoda ja,
 Daj mnie śnić,
 Z kim ja skonczę
 Wiek żyć.

R.B. Tai kada taip sakydavo?

J.Ž. Nu kaip [jauną] mėnulį pamatai pirmą kartą.
 Ir nereikia tadu su nieku kalbėt', o [reikia] ait'
 miegot', ir viskas. Ale tadu nereikia niekam nė
 žodžio sakyt', reikia ait' ir miegot'.

8.

R.B. Ar burdavo merginos šv. Andriejaus naktį?

*E.I. Palauk, šv. Andriejaus dieną aš būriau. O ką aš
 būriau? Sėjau [kanapes]. [Aš] atsigulu [ir sakiau]:*

Andrzeju, Andrzeju,
 [Ja] konopy sieję,
 Daj mnie znać,
 [Z] kim ja būdę w łóżku spać.

*Neužmigau nė vieno lašuko! Tokios akys
 [išsiplėtusios buvo, negalėjau nė, užmerkti, kaip
 man baisu buvo! Kaip baisu buvo!]*

R.B. Tai jus taip pamokė daryti?

*E.I. Aišku, kad pamokė. [Atsiguliau į lovą] ir
 paėmiau grūdelių [kanapės] [ir sėjau] lovoje.
 «Konopy, konopy...» – ir barstau ant patalynės [ir
 sakau]:*

Andrzeju, Andrzeju,
 [Ja] konopy sieję,
 Daj mnie znać,
 [Z] kim ja būdę w łóżku spać.

Nie zasnęštam!

9.

M.G. [Rožė būna] nuog išgūscūių, visa. Nuog rožės
 kalba. [Ką sako?] Nu aš lenkiškai cik [moku]:

Szedł Pan Jezus przez rzeką,
 Niósł trzy rózy w ręką.
 Jedna biała, druga czerwona,
 Trzecia tam zginęła.
 Jezau Nazarenski,
 Oddel tie choroby ciężkie.

Молодой месяц,
 Молодая я,
 Дай мне во сне увидеть,
 С кем я закончу
 Век жить.

Р.Б. Еще раз скажите.

Молодой месяц,
 Молодая я,
 Дай мне во сне увидеть,
 С кем я закончу
 Век жить.

Р.Б. Так когда так говорили?

*Я.Ж. Ну как [молодой] месяц видишь первый
 раз. И не надо тогда ни с кем говорить, а [надо]
 идти спать, и все. Но тогда не надо никому
 ни слова говорить, надо идти и спать¹⁰.*

Р.Б. Гадали ли девушки в ночь св. Андрея?

*Е.И. Подожди, в день св. Андрея я гадала. А что
 я гадала? Сеяла [коноплю]. Я ложусь [и говорю]:*

Анжей, Анжей,
 [Я] коноплю сею,
 Дай мне знать,
 [С] кем я буду в кровати спать.

*Не заснула ни капельки! Такие глаза
 [расширенные были, не могла даже] закрыть их,
 как мне страшно было! Как страшно было!*

Р.Б. Так вас так научили делать?

*Е.И. Конечно, научили. [Легла в кровать]
 и взяла зерен [конопли] [и сеяла] в кровати.
 «Конопля, конопля...» – и сыплю на постель [и
 говорю]:*

Анжей, Анжей,
 [Я] коноплю сею,
 Дай мне знать,
 [С] кем я буду в кровати спать.

Не заснула!¹¹

[Рожа бывает] от испуга, вся. От рожи говорят.
 Что говорят? Ну я по-польски только умею:

Шел Господь Иисус через реку,
 Нес три розы в руке.
 Одна белая, вторая красная,
 Третья там пропала.
 Иисус Назаретский,
 Отдали эти болезни тяжелые.

¹⁰ Я. Ж.-Я. 1993 (LKAR 17 (292), LKAG 42 (32)).

¹¹ Я. К.-Р. 1993 (LKAR 17 (35), LKAG 40 (31)).

Niósł try róży w ręką.
Jedna biała, druga czerwona,
Trzecia tam zginęła.
Jezau Nazarenski,
Oddel tie choroby cięski.

*Nu ir «Sveika Marija». Ale kap kalbėsi, tai reikia jau
tų dūchas nevaikščiūt. Dūchų laikys savo.*

Шел Господь Иисус через реку,
Нес три розы в руке.
Одна белая, вторая красная,
Третья там пропала.
Иисус Назаретский,
Отдали эти болезни тяжелые.

Ну и «Радуйся, Мария». Но как говоришь, то нужно уже духом не ходить. Дух держать свой¹².

На вопрос собирателя, почему заговоры произносятся по-польски, информанты не давали внятного ответа: отвечали, что «так надо» или их так учили. Несомненно, все информанты используют польский язык в повседневной жизни, он должен восприниматься как свой, тем не менее в некоторых случаях он больше связан с магической практикой, чем литовский. Известно, что язык, который имеет статус «чужого», считается более сильным в борьбе с нечистой силой, приобретает могущество заклинания. В рассматриваемом районе польский язык вряд ли можно считать чужим, однако некоторые слова, видимо, оказываются не совсем понятными. Зафиксировано, например, такое свидетельство:

10.

*R.B. O ką daryti, kad kai aini miškan, kad
nepamatytai gyvačių?*

*J. S. Tai aš lietuviškai tai nežinau. Man kadusci tokia
bobutė [iš] Avižinių [pasakė]. Joj iš lenkų parapijos
atekėjo už mano dzieduko, tai tep vis sakydavo:
„Vaikai, kap ainat uogauc...“ Su tuoj bobuti mes vaikai
tai visad ainat uogauc, tai išmokė tokią maldele:*

Matka Boska potężna
Przycisnęła głowę węża...

*Ir matot, va kur stovi Panelė Švenčiausia Dubičiuose,
taigi žalcio galva po kojom... Tai, sako, jei kalbėsit šitą
maldele, tai neinkūs gyvatė nei žalcys. Tai mes visadu
tep sakydavom.*

R.B. O jūs dar kartą lenkiškai pakartokit.

J. S. Matka Boska potężna
Przycisnęła głowę węża...

Panelė Švenčiausia...

*Dar sakiau kokį lenką reikia paklausc kas yra
«potężna...» Gal stebuklinga?*

*Panelė Švenčiausia stebuklinga
Prispaudė žalcio galvą.*

*Р.Б. А что делать, если идешь в лес, чтобы
не увидеть змею?*

*Я.С. Так я по-литовски-то не знаю. Мне
когда-то такая бабуля [из] Авижиню [сказала].
Она из польского уезда вышла замуж за моего
дедушку, то так все говорила: «Дети, как иде-
те за ягодами...» С той бабулей мы, дети, всег-
да идем за ягодами, так научила такой молитве:*

Матерь Божья могущественная
Прижала голову змеи...

*И видите, вот где стоит Дева Пресвятая в Ду-
бичай, так что голова ужа под ногами... Так,
говорят, если будете говорить эту молитву,
то не укусят ни змея, ни уж. Так мы всегда так
говорили.*

Р.Б. А вы еще раз по-польски повторите.

Й.С. Матерь Божья могущественная
Прижала голову змеи...

Дева Пресвятая...

*Еще, говорю, надо какого-нибудь поляка спро-
сить, что такое «potężna». Может, чудесная?*

*Дева Пресвятая чудесная
Прижала голову ужа¹³.*

Возможно, из-за подобного недопонимания возникают гибридные варианты, когда одно непонятное слово или несколько заменяются лексемами другого языка. Ср., например, гибридный польско-белорусский вариант заговора:

¹² М. Г.-Б. 1996 (LKAR 53 (1414)).

¹³ Я. С.-П., К. Г.-М. 2012 (RBAR 32 (113) panočiai_RBAG cd 3 (261)).

11.

Ma Mania przełknięcia
Kaciata, sabasza, czałowecia,
Gremoty, samalioty
 Wyjdźcie z Mani ciała
Na suche lasa,
Na dzikie balata.
 Zgińcie, przypadacie
 Przez boskuju moc¹⁴.

У Мани испуг
Кошачий, собачий, человеческий,
Громы, самолеты
 Выйдите с тела Мани
На сухие леса,
На дикие болота.
 Сгиньте, пропадите
 Божьей силой.

В данном случае, видимо, мы имеем дело уже не с переключением кодов, а со смешением кодов, поскольку информант, скорее всего, не осознает, лексемы какого языка он использует. Подобные случаи описаны, в частности, М. Глушковским на примере польско-русских языковых контактов: он подчеркивает, что «конгруэнтная лексикализация характерна для контактов между близкородственными языками, так как тогда намного легче перекрывать фрагменты кода, [...] когда на стыке польской и русской частей высказывания находятся элементы, которые могут относиться к обоим кодам» [Głuszkowski 2018, 44]. В случае неблизкородственных языков (литовского и белорусского или литовского и польского) подобных смешений следовало бы ожидать с гораздо меньшей вероятностью. Кроме того, по свидетельствам исследователей, изучавших местные польские говоры, они формировались на основе белорусского языка: «из представленного анализа лексических литуанизмов видно, что заимствования первоначально попали в белорусские диалекты, образовавшиеся на основе литовского субстрата, а затем уже перекочевали в польский язык» [Rutkovska 2012, 72]. Таким образом, собственно белорусские лексемы иногда трудно отличить от элементов местного польского диалекта.

Интересно, что похожий текст заговора уже полностью по-белорусски был записан от другой информантки в той же деревне:

12.

[Dar kalba] nuog išgūščiū, kap išsiganda. Nu tai sako:

Перапалохі кацячыя, сабачыя,
Ветраныя, агнявыя, людскія,
Выйдзіце з гэтай ... з гэтага чалавека.

Ale reikia jau vardų sakys.

Прайдзіце праз сухія лясы
Праз дзікія балоты
Праз Божую моц,
Дзе людзі не ходзяць.

Ir vėliai «Sveika Marija» kiek gali. Ir vienų, ir tris, kap gali dūkų dalaikys. O tadu rapūtei, rapūtei in to... an ko kalba. Tį koja, ranka, tį... an cukraus.

[Еще говоря]т от испуга, когда пугаются.
 Ну так говорят:

Но нужно уже имена говорить.

И опять «Радуйся, Мария» сколько можешь. И один, и три, как можешь дух задержать. А тогда подуешь, подуешь на то, на что говоришь. Там нога, рука... на сахар¹⁵.

Подобных гибридных вариантов, конечно, должно быть больше на территории Беларуси. Вот пример трехязычного текста, записанного в Воронове:

¹⁴ М. Д.-Б. 1996 (LKAR 53 (1239)).

¹⁵ О. Б.-Г. 1996 (LKAR 53 (1415 а)).

13.

M.A. Galiu užkalbėc nuo rožės.

Szedł Pan Jezus przed Jeruzalimem
I znalazł trzy róży,
Jedna biała, druga sinia, trzecia czerwona,
Jedna spadała, druga zgrubła, trzecia znikła,
I ty zniknij z rana (albo z wieczora), tam już jego
róża

Ну тры разы так замоўляю. Адным духам трэба. Ну і тады таго хвораму каму замоўляеш, сказаць, жэбы пяць пацпероў да пана Езуса згаворыць. А яно еслі не ўмее ілі малы дзіця, за яго.

R.B. Kiek kartų reikia kalbėti?

M.A. Cik du: iki pietų ir po pietais. Bet kuriuo laiku. Išgydo jų ir miltais, ale geriausia [kap užkalbėta]. Jų dvylika yr. Geriausiai kap jau užkalbėc. Raikia peržegnoc tų žmogų ir priglausc rankų prie kaktos ir tadu kalbėc. Kap sukalbi kartų, tai pusterc an to daikto kur sofa. Ir i tep tris kartus.

М.А. Могу заговорить от рожи

Шел Господь Иисус через Иерусалим
И нашел три розы,
Одна белая, вторая синяя, третья красная,
Одна упала, вторая огрубела, третья пропала,
И ты пропади с утра (или с вечера), там уже его
рожа (роза)

Р.Б. Сколько раз надо говорить?

М.А. Только два: до обеда и после обеда. В любое время. Лечат их и мукой, но лучше всего [когда заговорено]. Их двенадцать. Лучше как уж заговорить. Надо перекрестить этого человека и прижать руку ко лбу и тогда говорить. Как раз заговоришь, то подуть на то место, где болит. И так три раза¹⁶.

Примечательно, что, несмотря на употребление сразу трех языков, смешения кодов здесь не происходит: информант сначала говорит по-литовски, сам текст произносит по-польски, но сразу после заговора переходит на белорусский. Возможно, перейти на литовский его побудила языковая компетенция собирателя.

Записан еще один подобный пример диалога, который начинается на белорусском языке, заговор произносится по-польски (с вкраплениями белорусского), а в конце разговора информант переходит на литовский из-за вмешательства в диалог третьего человека, сказавшего фразу на литовском. Тем не менее в конце разговора информант неожиданно вновь переходит на польский («Ona z Plik»):

14.

К.К. Бывала скаціна падала ад урокаў. Я ўжо была у Дубінцах. Калісь ягнятаў вылечылі трах трах... Адзін чалавек прыйшоў, кажа «Якія авечкі хорошыя». Адзін паў, пака до его добежалі, ужо другі ляжыць.

Р.В. А что ему случилось?

К.К. Сэрца лопнула. Ад урокаў сэрца лопнула.

Р.В. А что рабіць ад урокаў?

К.К. Ну замаўляла, замовы былі.

Р.В. Что там говорили?

К.К. Наша мама адразу замаўляла, потым ёй цяжка стала, бо трэба адным духам замаваць. То она трохі мяне вучыла, але я не замаўляла, не займалася. Так:

Jak ciężko Panu Jezusu w grobie leżeć,
Tak ciężko tym użo od szkodzących ocz temu...
Żywiołu (czy człowieku) cierpieć...
I trzy razy „Zdrowość Maria”.

Р.В. Как там...

Jak ciężko Panu Jezusu w grobie leżeć,
Tak ciężko temu człowieku (czy скаціне)
Od szkodzących ocz jej cierpieć.

Как тяжело Господу Иисусу в гробу лежать,
Так тяжело уже от вредящих глаз тому...
Скотине (или человеку) терпеть...
И 3 раза «Радуйся, Мария»

Так тяжело Господу Иисусу в гробу лежать,
Так тяжело тому человеку (или скотине)
От вредящих глаз терпеть.

Так. Так тры разы адным духам і потым тры разы «Zdrowość Maria» ужо.

¹⁶ М. А.-Р. 1991 (LKAR 25 (308)).

Р.В. А на чем говорили?

К.К. Так ужо на чалавека, ці на сахару.

Р.В. И что делать?

К.К. Выпіць ці з'есці. [...]>

Р.В. А как там начало, trzeba przeżegnać się?

К.К. Да, trzeba przeżegnać się.

Р.В. И тогда говорить...

**К.К. Jak ciężko Panu Jezusu w grobie leżeć,
 Tak ciężko temu ўжо чалавеку ці якой скаціне
 Od szkodzących oczej cierpieć.**

Р.Б. А как там начало, надо перекреститься?

К.К. Да, надо перекреститься.

**К.К. Как тяжело Господу Иисусу в гробу
 лежать,
 Так тяжело тому уже человеку или какой
 скотине
 От вредящих глаз терпеть.**

Тры разы трэба адным духам і тры разы «Zdrowość Maria». Калісь памагала, замаўлялі людзі.

Р.В. Много приходило к маме людей?

К.К. То замаўляла мама і тата ад этих урокаў замаўлялі, ад рожы замаўлялі.

J.K. Gydiojū nebuvo...

K.K. Gydiojū buvo, ale pinigų nebuvo.

R.B. O čia nereikėjo mokėti?

K.K. Ne, nemokėjo

J.K. Ju čia kaimynai tas tam.

R.B. O kokia jūsių mamytės pavardė buvo?

**K.K. Marija Radzevičienė – Žezdriniūtė. [...] Ona
 z Plik**

Ю.К. Врачей не было.

К.К. Врачи были, но денег не было.

Р.Б. А здесь не надо было платить?

К.К. Нет, не платили.

Ю.К. Они тут соседи друг другу.

Р.Б. А какая была фамилия у вашей мамы?

**К.К. Мария Радзевичене-Жездринюте. [...] Она
 из Плик¹⁷.**

Несмотря на обилие случаев, когда тексты заговоров произносятся на польском, существуют варианты, когда информанты произносят заговор сразу на двух языках:

15.

**Czaru maru diabeł stary,
 Jak pokręci, głowę skręci.**

**Čaru maru pakšt, tau nepasiseks,
 Dievas nepadės, velnias pakerės.**

**Чару-мару, дьявол старый,
 Как покрутит, голову открутит.**

**Чару-мару чпок, тебе не повезет,
 Бог не поможет, черт заколдует¹⁸.**

Причем лексемы из одного языка могут вторгаться в текст на другом языке, например:

16.

**R.B. O ką reikia daryti, kai blogos akys nužiūri
 gyvulį ar žmogų?**

**V.K. Sako, kai aina jau žiūrėt' ką, tai [reikia sau
 pasakyti:]**

Sol w oczy, šūda [w zęby]

Druska akin, a šūda[s] šalin.

R.B. Taip reikia pasakyti?

V.K. Aha, nu. Cha cha cha cha...

R.B. O kada taip sako, einant į tvartą?

**Р.Б. А что надо делать, если дурные глаза
 сглазят животное или человека?**

**В.К. Говорят, когда идут смотреть что-то,
 то [нужно про себя сказать]:**

Соль в глаза, говно [в зубы]

Соль в глаза, а говно в сторону.

Р.Б. Так надо сказать?

В.К. Ага, да. Ха-ха-ха-ха

Р.Б. А когда так говорят, идя в хлев?

¹⁷ Ю. К., К. К.-Р. 2011 (RBAR 31 (137)_pelesa_RBAG cd 2 (559)).

¹⁸ Л. П.-П. 2001 (LKAR 100(9), LKAG 370(44)).

V.K. Nu, aha.

Sol w oczu, gówna w zęby.

R.B. O kas tada būna?

V.K. Nu tai jau tada [tos blogos akys], sako, nepakenkia. Ar tiesa čia, ar ne, tai nežinau.

R.B. O garsiai ar tyliai reikia pasakyti?

V.K. Tyliai, sau, kad jinai tiktai negirdėtų.

В.К. Ну да.

Соль в глаза, говно в зубы.

Р.Б. А что тогда бывает?

В.К. Ну так тогда уже [эти дурные глаза], говорят, не вредят. Правда это или нет, не знаю.

Р.Б. А громко или тихо надо сказать?

В.К. Тихо, себе, чтоб она только не слышала¹⁹.

Примечательно, что в этом случае «от дурных глаз», т.е. от колдунов, которые могут сглазить, нужно оберегаться с помощью польского текста. Записано еще свидетельство, что ведьмы поют по-польски:

17.

Sakydavo, kad raganos... Va čia, kur mes gyvenom, tai buvo trys kalnai. Čia Paųžuolių kalnas, čia mūsų Vaidilų kalnas ir va čia, par Kuvaikų, kitas — Pasiekos kalnas. Tai sakė, kad raganos ant tų kalnų dainuodavo vakarais. Ir kokią dainelę, būdavo, mama sakė, bobutė, būdavo, pasakoja mano, paskui ir mama jau sakydavo, lenkiškai dainavo. [...] Jos ant visų trijų kalnų sėdėdavo ir vienas kalnas nuo kito netoli, tik per Baltramiejaus balą, ir dainuodavo...

Viena sakė, kad: «Biała gęś był», a kita: «Czarwone nogi miała», a trčia sakė: «Pa błocie chodziła, pa błocie chodziła».

Ir va teip viena tą žodį sako ir sako, kita tą, trečia tą ir teip tokia giesmė išeidavo labai graži.

Говорили, что ведьмы... Вот здесь, где мы жили, там было три горы. Здесь гора Паужуолю, здесь наша гора Вайдилу и вот здесь, у Кувайки, другая — гора Пасека. Так говорили, что ведьмы на этих горах пели по вечерам. И какую песню, бывало, мама говорила, бабушка, бывало, рассказывала моя, потом и мама уже говорила, по-польски пели. Они на всех трех горах сидели и одна гора от другой недалеко, только через болото Балтрамеюса, и пели...

Одна говорила, что «Белый гусь был», а другая: «Красные ноги у него были», а третья говорила: «По болоту ходил, по болоту ходил».

И вот так одна то слово говорит и говорит, другая то, третья то, и так такая песня выходила очень красивая²⁰.

Интересно, что само слово ведьма (*ragana*) при этом литовское. Хотя многие лексемы, обозначающие колдунов и связанные с ними действия и предметы (вспомним «черную книжку» — см. текст 4) в литовском тексте могут быть славянскими. Если составить небольшой словарь тех славянских лексем, которые чаще всего встречаются в литовских текстах, не изобилующих заимствованиями, он окажется довольно показательным:

čeraunykas (лит. *kerėtojas*) < бел. чараўнік, пол. *czarownica*

šaptūnai (лит. *užkalbėtojai*) < рус. шептун, бел. шантун

(*su-*, *pa-*, *už-*)*čeravoti* (лит. *kerėti*) < бел. чараваць, пол. *czarować*

varažyti, vorožyti (лит. *burti*) < бел. варажыць, рус. ворожить

škadyti (лит. *kenkti*) < бел. шкодзіць, пол. *szkodzić*

paboti (лит. *išsigąsti*) < пол. *bać się*, рус. бояться, бел. баяцца

dvyitis (лит. *stebėtis*) < бел. дзівіцца, пол. *dziwić się*

zababonai (лит. *prietai*) < бел. забабоны, пол. *zabobony*

mačyti, mačinti (лит. *padėti*) < рус. помочь, пол. *pomóc*, бел. дапамагчы

molytva, malytva (лит. *malda*) < рус. молитва, бел. малітва

¹⁹ В. К.-Ж. 1994 (Lkar 21 (179), LKAG 73 (19)).

²⁰ Е. М. 1994 (LKAV 173 (22)).

Получается, что не только магические тексты, но и связанную с магическими ритуалами лексику информанты в речи на литовском языке часто произносят по-польски, хотя они, несомненно, знают литовские соответствия и употребляют их.

В таких случаях мы, конечно, видим примеры интерференции, когда заимствованные славянские лексемы прочно вошли в литовский язык, получив соответствующее грамматическое оформление. Обсуждать явления интерференции в рамках анализа смешения кодов, возможно, было бы некорректно, хотя, как отмечает С. Скорвид, «...смешение кодов является лишь частным, хотя и отличным от других, случаем интерференции» [Skorwid 2017, 378].

В лингвистической литературе, посвященной переключению кодов в речи билингвов, как правило, ставится вопрос, подчиняется ли процесс переключения кодов определенным правилам, и если да, то насколько они универсальны и обязательны [Багана, Блажевич 2010, 67]. Относительно описанных случаев можно согласиться с М. Глушковским, что «частому переключению кода способствует равный статус и престиж обоих языков в глазах данного человека» [Głuszkowski 2013, 272]. Применительно к языковой ситуации на литовско-белорусском пограничье это очень верно, однако вопрос о причине смена кода в процессе речи остается открытым. Обсуждая подсознательные факторы переключения кодов, Ю.Н. Эбзеева, Е.В. Тутова отмечают, что «говорящий использует ту единицу, которая первой “приходит на память”, что, в свою очередь, связывается с частотой употребления лексической единицы. Переключение кодов связывается также с принципом экономии речевых усилий, “культурной непереводаемостью” некоторых лексических единиц» [Эбзеева, Тутова 2012, 141]. Для части описанных случаев это верно: если заговор принято произносить по-польски, то и описание магического ритуала, с ним связанного, более вероятно будет произноситься по-польски. Однако в этом регионе зафиксировано немало и литовских заговоров, существуют идентичные тексты на двух языках. При этом обратных случаев (перехода на литовский язык при чтении заговора, если разговор происходит по-польски или по-белорусски) в данных материалах не зафиксировано. Таким образом, на наш взгляд, описанные явления переключения кодов в речи полилингвов на территории литовско-белорусского пограничья показывают определенные тенденции в восприятии литовского и польского языков: польский язык в их сознании оказывается больше связан с магическими практиками.

Видимо, при оценке причин, влияющих на переключение кодов, не стоит недооценивать фольклорный и этнографический контексты.

СПИСОК ИНФОРМАНТОВ:

- В. К.-Ж. 1994 – Владислава Керулене-Жидкаускайте, род. в 1920 г. в Молетском р-не, окр. Биютишкис, дер. Намалишкяй, жив. в Молетском в-не, окр. Йонишкис, дер. Керуляй. Записала Р. Балкуте в 1994 г.
- Е. И.-Д. 1994 – Елена Ингелявичене-Данилявичюте, род. в 1921 г. в Молетском р-не, окр. Йонишкис, дер. Лакагиряй, жив. в Молетском р-не, окр. Йонишкис, дер. Пакаманис. Записала Р. Балкуте в 1994 г.
- Е. М. 1994 – Елена Мацюлявичене (Григелявичюте), род. в 1924 г. в Молетском р-не, окр. Йонишкис, дер. Савиденай, жив. в Молетском р-не, окр. Йонишкис, дер. Жидавайняй. Записала Р. Балкуте в 1994 г.
- Л. П.-П. 2001 – Люция Петрошкене-Петрикайте, род. в 1933 г. в Укмяргском р-не, окр. Лидуокюй, дер. Нуотеку, жив. в Укмергском р-не, окр. Лидуокяй, дер. Юодаусяй. Записала Р. Балкуте в 2001 г.
- М. А.-Р. 1991 – Мария Амбражук-Рудзите, род. в 1933 г, род. и жив. в Вороновском р-не, окр. Радуняй, дер. Юцунай. Записала Р. Балкуте в 1991 г.

- М. Д.-Б. 1996 — Михалина Двинелене-Бутримюте, род. в 1900 г., род. и жив. в Шальчининском р-не, окр. Девянишкес, дер. Жижмай. Записала Р. Балкуте в 1996 г.
- М. Г.-Б. 1996 — Мария Гайдене-Баранаускайте, род. в 1923 г. Род. и жив. в Шальчининском р-не, окр. Девянишкес, дер. Жижмай. Записала Р. Балкуте в 1996 г.
- М. Ж.-К. 1994 — Мелания Жукаускаене-Кувейкайте, род. в 1923 г. в Утянском р-не, окр. Йонишкис, дер. Савиденай, жив. в Молетском р-не, окр. Йонишкис, дер. Сутренай с 1943 г. Записала Р. Балкуте в 1994 г.
- О. Б.-Г. 1996 — Она Баранаускаене-Гайдите, род. в 1930 г., род. и жив. в Шальчининском р-не, окр. Девянишкес, дер. Жижмай. Записала Р. Балкуте в 1996 г.
- Ю. К., К. К.-Р. 2011 — Юозас Кауза, род. в 1929 г.; К. Каузене-Радзивицюте, род. в 1929 г. в Беларуси, Вороновском р-не, окр. Больтишки, дер. Дубиняй, жив. в Беларуси, Вороновском р-не, окр. Больтишки, дер. Смильгиняй. Записала Р. Балкуте в 2011 г.
- Я. Ж.-Я. 1993 — Ядвига Жибене-Янкаускайте, род. в 1930 г., род. и жив. в Молетском р-не, окр. Йонишкис, дер. Пукенишкяй. Записала Р. Балкуте в 1993 г.
- Я. К.-Р. 1993 — Янина Кадонене-Русецкайте, род. в 1910 г. в Молетском р-не, окр. Дубингяй, дер. Скреблинчяй, жив. в Молетском р-не, окр. Йонишкис, пос. Йонишкис. Записала Р. Балкуте в 1993 г.
- Я. С.-П., К. Г.-М. 2012 — Янина Стангене-Падмаскайте, род. в 1933 г. в Варенском р-не, окр. Канявы, дер. Стояй, жив. в Варенском р-не, окр. Канявы, дер. Мантотай; Казимера Гервялѐнене-Марцявичюте, род. в 1940 г. Род. и жив. в Варенском р-не, окр. Канявы, дер. Мантотай. Записали Р. Балкуте, Н. Лауринкене в 2012 г.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

- LKAV—Lietuvos liaudies kultūros centro Liaudies kūrybos archyvo video įrašai.
LKAR — Lietuvos liaudies kultūros centro Liaudies kūrybos archyvo rankraščiai.
LKAG — Lietuvos liaudies kultūros centro Liaudies kūrybos archyvo garso įrašai.
RBAR — Ritos Balkutės archyvo rankraščiai.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Багана Ж., Блажевич Ю.С. К вопросу о переключении кодов // Научные ведомости. Серия Гуманитарные науки. 2010. № 12(83). Вып. 6. С. 63–68.
- Видугирис А., Каралионас С. К вопросу о типах двуязычия в Литовской ССР // Проблемы двуязычия и многоязычия. М.: Наука, 1972. С. 156–160.
- Видугирис А., Климчук Ф. Некоторые вопросы этноязыковых процессов на балто-восточнославянском пограничье // Этнолингвистические балто-славянские контакты в настоящем и прошлом. Предварительные материалы. М.: Наука, 1978. С. 10–35.
- Невская Л.Г. О лексическом и семантическом взаимодействии литовского и славянского языков // Славянское славяноведение. 1972. № 1. С. 90–104.
- Невская Л.Г., Судник Т.М. Диалектные контакты в зоне современного балтийско-славянского этноязыкового пограничья // Славянское языкознание. VIII Международный съезд славистов. Загреб — Люблина, сентябрь 1978 г. Доклады советской делегации. М.: Наука, 1978. С. 285–305.
- Судник Т.М. Заметки о литовско-белорусском двуязычии (на материале говора Гервят) // Проблемы индоевропейского языкознания. М.: Наука, 1964. С. 79–89.
- Судник Т.М. Диалекты литовско-славянского пограничья. Очерки фонологических систем. М.: Наука, 1975. 232 с.
- Чекман В.Н. К проблеме литовско-белорусских лексических связей // Baltistica. 1972. 8(2). С. 147–156.
- Чекман В.Н. К социолингвистической характеристике польских говоров белорусско-литовского пограничья // Studia nad polszczyzną kresową. 1982. 1. С. 123–138.
- Чекмонас В. Функционирование языков и билингвизм // Lietuvių kalba ir bilingvizmas. (LKK T. 27). Vilnius, 1988. С. 416–442.
- Эбзеева Ю.Н., Тутова Е.В. Проблема переключения кодов и языковые контакты // Вестник РУДН. Серия Лингвистика. 2012. № 3. С. 138–143.
- Bednarczuk L. Stosunki etnolingwistyczne na obszarze Wielkiego Księstwa Litewskiego // Acta Baltico-Slavica. 1994. 22. С. 109–124.

- Čekmonas V. O bilingwizmie polsko-litewskim i litewsko-polskim na Dence (czyli na północno-wschodnich obszarach Wileńszczyzny) // Sytuacja językowa na Wileńszczyźnie. Warszawa: Elipsa, 1999. S. 28–39.
- Głuszkowski M. Idiolektalne zróżnicowanie przełączania kodów w dwujęzyczności starowierców regionu Suwalsko-Augustowskiego // Acta Baltico-Slavica. 2013. 37. Warszawa. S. 265–275.
- Głuszkowski M. Mieszanie kodów w kontaktach języków blisko spokrewnionych: na materiale polsko-wschodniosłowiańskiego kontaktu językowego // Z polskich studiów slawistycznych. Ser. 13, t. 2: Językoznawstwo, prace na XVI Międzynarodowy Kongres Slawistów w Belgradzie 2018 / pod red. Zbigniewa Grenia, Poznań, Wydawnictwo Naukowe Uniwersytetu im. Adama Mickiewicza, 2018. S. 41–50.
- Głuszkowski M. Code-Switching and Code-Mixing on Different Language Levels: The Case of a Polish Language Island in Siberia // Slavistična revija 71/2 (2023). S. 161–174.
- Grek-Pabisowa I. Językowa rzeczywistość na Kresach północno-wschodnich // Kresy – pojęcie i rzeczywistość. Warszawa: SOW, 1997. S. 145–179.
- Grinaveckienė E. Lietuviškos kilmės leksika Lietuvos paribio baltarusių šnektose // Lietuvių kalbotyros klausimai. 1983. 22. P. 182–204.
- Grinaveckienė E. Buivydžių apylinkių (Vilniaus r.) lenkų šnektos lituanizmai // Lietuvių kalbotyros klausimai. 1991. 29. P. 47–64.
- Karaliūnas S. Bilingvizmo situacijos ir jų socialinė dinamika // Lietuvių kalbotyros klausimai. 1988. 27. P. 4–20.
- Kardelis V. Šiaurės rytų aukštaičiai vilniškiai: ribos ir diferenciacija. Vilnius: Vilniaus universiteto leidykla, 2009. 287 p.
- Kardelis V., Sinočkina B., Wiemer B., Zielińska A. Sytuacja językowa na terenie od Wisagini do Hoduciszek na Litwie (raport z anda terenowych) // Acta Baltico-Slavica. 2003. 27. S. 33–52.
- Lipskienė J., Vidugiris A. Dieveniškų tarmė [Svarbesni tarmės ploto ir jos tyrinėjimo istorijos duomenys] // Lietuvių kalbotyros klausimai 9 / Lietuvių kalbos gramatinė andarac. 1967. P. 183–222.
- Muysken P. Bilingual speech: a typology of code mixing. Cambridge: Cambridge University Press, 2000. 306 p.
- Poplack S. Code-Switching (linguistic) / N. Smelser, P. Baltes (editors) // International Encyclopedia of the Social and Behavioral Sciences. Amsterdam: Elsevier, 2001. P. 2062–2065.
- Rutkowska K. Lituanizmy leksykalne w gwarach polskich na Litwie // J. Rieger, I. Masojć, K. Rutkowska. Słownictwo polszczyzny gwarowej na Litwie. Warszawa: DiG, 2006. S. 73–108.
- Rutkowska K. Świadomość narodowa a język ludności wiejskiej na pograniczu polsko-białorusko-litewskim // Prace Filologiczne. 2008. 54. S. 345–366.
- Rutkowska K. Lietuvių kalbos skoliniai Lietuvos lenkų tarmėse // Acta Linguistica Lithuanica. LXVII. 2012. T. 67. P. 52–77.
- Skorwid S. Code-switching w wypowiedziach użytkowników innosłowiańskich gwar przesiedleńczych w Rosji // Acta Universitatis Wratislaviensis No 3792. Slavica Wratislaviensis CLXV. Wrocław, 2017. S. 369–380.
- Turska H. O powstaniu polskich obszarów językowych na Wileńszczyźnie / wstęp i opr. V. Čekmonas. Vilnius, 1995 (przedruk z r. 1939). 266 s.
- Urbanavičienė J. Adutiškio – Kamojų arealas: kalbinė tapatybė lietuvių ir baltarusių paribyje // Kalbotyra. 2011. 63(3). P. 95–114.
- Vidugiris A. Dėl kalbų kontaktavimo pietryčių Lietuvoje // Lietuvių kalbotyros klausimai. 1983. 23. P. 46–61.
- Zinkevičius Z. Rytų Lietuva praeityje ir dabar. Vilnius: Mokslo ir enciklopedijų leidykla, 1993. 318 p.

Рукопись поступила в редакцию 16.06.23

Рукопись принята к печати 12.02.24

REFERENCES

- Bagana Zh., Blazhevich Iu.S. K voprosu o perekliuchenii kodov. *Nauchnyye vedomosti. Seriya Gumanitarnyye nauki*, 2010, no. 12(83), vyp. 6, pp. 63–68. (In Russ.)
- Bednarczuk L. Stosunki etnolingwistyczne na obszarze Wielkiego Księstwa Litewskiego. *Acta Baltico-Slavica*, 1994, 22, pp. 109–124.
- Chekman V.N. K probleme litovsko-belorusskikh leksicheskikh svyazei. *Baltistica*, 1972, 8(2), pp. 147–156. (In Russ.)
- Chekman V.N. K sotsiolingvisticheskoi kharakteristike pol'skikh govorov belorussko-litovskogo pogranich'ia. *Studia nad polszczyzną kresową*, 1982, 1, pp. 123–138. (In Russ.)

- Chekmonas V. Funkcionirovanije iazykov i bilingvizm. *Lietuvių kalba ir bilingvizmas*, (LKK T. 27), Vilnius, 1988, pp. 416–442. (In Russ.)
- Čekmonas V. O bilingwizmie polsko-litewskim i litewsko-polskim na Dence (czyli na północno-wschodnich obszarach Wileńszczyzny). *Sytuacja językowa na Wileńszczyźnie*, Warszawa, Elipsa Publ., 1999, pp. 28–39.
- Ebzejeva Iu.N., Tutova Je. V. Problema perekliucheniia kodov i iazykovye kontakty. *Vestnik RUDN. Cjeriia Lingvistika*, 2012, no. 3, pp. 138–143. (In Russ.)
- Głuszkowski M. Idiolektalne zróżnicowanie przełączania kodów w dwujęzyczności starowierców regionu Suwalsko-Augustowskiego. *Acta Baltico-Slavica*, 2013, 37, Warszawa, pp. 265–275.
- Głuszkowski M. Mieszanie kodów w kontaktach języków blisko spokrewnionych: na materiale polsko-wschodniosłowiańskiego kontaktu językowego. *Z polskich studiów slawistycznych, ser. 13, t. 2: Językoznawstwo, prace na XVI Międzynarodowy Kongres Slawistów w Belgradzie 2018*, pod red. Zbigniewa Grenia, Poznań, Wydawnictwo Naukowe Uniwersytetu im. Adama Mickiewicza Publ., 2018, pp. 41–50.
- Głuszkowski M. Code-Switching and Code-Mixing on Different Language Levels: The Case of a Polish Language Island in Siberia. *Slavistična revija* 71/2 (2023), pp. 161–174.
- Grek-Pabisowa I. Językowa rzeczywistość na Kresach północno-wschodnich. *Kresy – pojęcie i rzeczywistość*. Warszawa, SOW Publ., 1997, pp. 145–179.
- Grinaveckienė E. Lietuviškos kilmės leksika Lietuvos paribio baltarusių šnektose. *Lietuvių kalbotyros klausimai*, 1983, 22, pp. 182–204.
- Grinaveckienė E. Buivydžių apylinkių (Vilniaus r.) lenkų šnektos lituanizmai. *Lietuvių kalbotyros klausimai*, 1991, 29, pp. 47–64.
- Karaliūnas S. Bilingvizmo situacijos ir jų socialinė dinamika. *Lietuvių kalbotyros klausimai*, 1988, 27, pp. 4–20.
- Kardelis V. *Šiaurės rytų aukštaičiai vilniškiai: ribos ir diferenciacija*. Vilnius, Vilniaus universiteto leidykla Publ., 2009. 287 p.
- Kardelis V., Sinočkina B., Wiemer B., Zielińska A. Sytuacja językowa na terenie od Wisagini do Hoduciszek na Litwie (raport z badań terenowych). *Acta Baltico-Slavica*, 2003, 27, pp. 33–52.
- Lipskienė J., Vidugiris A. Dieveniškų tarmė [Svarbesni tarmės ploto ir jos tyrinėjimo istorijos duomenys]. *Lietuvių kalbotyros klausimai* 9, *Lietuvių kalbos gramatinė sandara*, 1967, pp. 183–222.
- Muysken P. *Bilingual speech: a typology of code mixing*. Cambridge, Cambridge University Press Publ., 2000. 306 p.
- Nevskaia L. G. O leksicheskom i semanticheskom vzaimodeistvii litovskogo i slavianskogo iazykov. *Slavianskoje slavianovedenije*, 1972, no. 1, pp. 90–104. (In Russ.)
- Nevskaia L. G., Sudnik T. M. Dialektnyje kontakty v zone sovremennogo baltiisko-slavianskogo etnoiazikovogo pogranich'ia. *Slavianskoje iazykoznanije. VIII Mezhdunarodnyi s'jezd slavistov. Zagreb – Liubliana, sentiabr' 1978 g. Doklady sovetsoi delegatsii*. Moscow, Nauka Publ., 1978, pp. 285–305. (In Russ.)
- Poplack S. Code-Switching (linguistic). N. Smelser, P. Baltes (editors). *International Encyclopedia of the Social and Behavioral Sciences*. Amsterdam, Elsevier Publ., 2001, pp. 2062–2065.
- Rutkowska K. Lituanizmy leksykalne w gwarach polskich na Litwie. *J. Rieger, I. Masojć, K. Rutkowska. Słownictwo polszczyzny gwarowej na Litwie*. Warszawa, DiG Publ., 2006, pp. 73–108.
- Rutkowska K. Świadomość narodowa a język ludności wiejskiej na pograniczu polsko-białorusko-litewskim. *Prace Filologiczne*, 2008, 54, pp. 345–366.
- Rutkowska K. Lietuvių kalbos skoliniai Lietuvos lenkų tarmėse. *Acta Linguistica Lithuanica*, LXVII, 2012, t. 67, pp. 52–77.
- Skorwid S. Code-switching w wypowiedziach użytkowników innosłowiańskich gwar przesiedleńczych w Rosji. *Acta Universitatis Wratislaviensis No 3792. Slavica Wratislaviensia CLXV*. Wrocław, 2017, pp. 369–380.
- Sudnik T. M. Zametki o litovsko-beloruskom dvuiazychii (na materiale govora Gerviat). *Problemy indoevropeskogo iazykoznanija*. Moscow, Nauka Publ., 1964, pp. 79–89.
- Sudnik T. M. *Dialekty litovsko-slavianskogo pogranich'ia. Ocherki fonologicheskikh sistem*. Moscow, Nauka Publ., 1975, 232 p. (In Russ.)
- Turska H. *O powstaniu polskich obszarów językowych na Wileńszczyźnie*, wstęp i opr. V. Čekmonas, Vilnius, 1995 (przedruk z r. 1939), 266 p.
- Urbanavičienė J. Adutiškio – Kamojų arealas: kalbinė tapatybė lietuvių ir baltarusių paribyje. *Kalbotyra*, 2011, 63(3), pp. 95–114.
- Vidugiris A. Dėl kalbų kontaktavimo pietryčių Lietuvoje. *Lietuvių kalbotyros klausimai*, 1983, 23, pp. 46–61.

Vidugiris A., Karaliunas S. K voprosu o tipakh dvuiazychiia v Litovskoi SSR. *Problemy dvuiazychiia i mnogoiazychiia*. Moscow, Nauka Publ., 1972, pp. 156–160. (In Russ.)

Vidugiris A., Klimchuk F. Nekotorye voprosy etnoiazykovykh protsessov na balto-vostochnoslavianskom pogranič'je. *Etnolingvisticheskie balto-slavianskie kontakty v nastoiashchem i proshlom. Predvaritel'nye materialy*. Moscow, Nauka Publ., 1978, pp. 10–35. (In Russ.)

Zinkevičius Z. *Rytų Lietuva praeityje ir dabar*. Vilnius, Mokslo ir enciklopedijų leidykla Publ., 1993. 318 p.

Received on 16.06.23

Accepted on 12.02.24

Информация об авторах:

Завьялова Мария Вячеславовна

кандидат филологических наук,

старший научный сотрудник

Институт славяноведения

Российской академии наук

г. Москва, Российская Федерация

ORCID: 0000-0003-0613-0028

E-mail: mariazavyalova@gmail.com

Information about the authors:

Maria V. Zavyalova

PhD (Philology),

Senior Researcher,

Institute of Slavic Studies,

Russian Academy of Sciences

Moscow, Russian Federation

ORCID: 0000-0003-0613-0028

E-mail: mariazavyalova@gmail.com

Балкуте Рита

Директор Центра народных традиций

«В круге бытия»

г. Вильнюс, Литовская Республика

E-mail: r.balkute@gmail.com

Rita Balkute

Director of the Center for Folk Traditions

«In the Circle of Life»

Vilnius, Republic of Lithuania

E-mail: r.balkute@gmail.com